

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ ПОД КРОВАТЬЮ

Алексей Толстой

Рукопись, найденная под кроватью

«Public Domain»

1923

Толстой А. Н.

Рукопись, найденная под кроватью / А. Н. Толстой — «Public Domain», 1923

«Вранье и сплетни. Я счастлив... Вот настал тихий час: сижу дома, под чудеснейшей лампой, – ты знаешь эти шелковые, как юбочка балерины, уютные абажуры? Угля – много, целый ящик. За спиной горит камин. Есть и табак, – превосходнейшие египетские папиросы. Плевать, что ветер рвет железные жалюзи на двери. На мне – легче пуха, теплее шубы – халат из пиринейской шерсти. Соскучусь, подойду к стеклянной двери, – Париж, Париж!...»

Алексей Толстой

Рукопись, найденная под кроватью

Вранье и сплетни. Я счастлив... Вот настал тихий час: сижу дома, под чудеснейшей лампой, – ты знаешь эти шелковые, как юбочка балерины, уютные абажуры? Угля – много, целый ящик. За спиной горит камин. Есть и табак, – превосходнейшие египетские папиросы. Плевать, что ветер рвет железные жалюзи на двери. На мне – легче пуха, теплее шубы – халат из пиринейской шерсти. Соскучусь, подойду к стеклянной двери, – Париж, Париж!

Стар, ужасно стар Париж. Особенно люблю его в сырые деньки. Бесчисленны очертания полукруглых графитовых крыш, оттуда в туманное небо смотрят мансардные окна. А выше – трубы, трубы, трубы, дымки. Туман прозрачен, весь город раскинут чашей, будто выстроен из голубых теней. Во мгле висит солнце. Воздух влажен и нежен: сладкий, пахнущий ванилью, деревянными мостовыми, дымком жаровен и каминных труб, бензином и духами – особенный воздух древней цивилизации. Этого, братец мой, никогда не забыть, – хоть раз вдохнешь – во сне припомнится.

Пишу тебе и наслаждаюсь. Беру папиросу, закуриваю, откидываюсь в кресле. Как славно ветер рвет жалюзи, пощелкивают в камине угли. До сладострастия приятно, – вот так, в тишине, – вызвать из памяти залежи прошлого.

Не вообрази себе, что я собрался каяться. Ненавижу, о, ненавижу расейское, иступленное сладострастие: бить себя в расхлыстанную грудь, выворачивать срам, вопить кликушечьим голосом... «Гляди, православные, вот весь Я – сырой, срамной. Плюй мне в харю, бей по глазам, по сраму!..» О, харя губастая, хитрые, иступленные глазки... Всего ей мало, – чавкает в грязи, в кровянице, не сыта, и – вот последняя сладость: повалиться в пыль, расхлыстаться на перекрестке, завопить: «Каюсь!..» Тьфу!

Нет, я давно уже содрал с себя позорную кожу. Паспорт – русский, к сожалению. Но я – просто обитатель земли, житель без отечества и временно, надеюсь, в стесненных обстоятельствах. Хотя у меня даже есть преимущество: свобода, голубчик. Никому я ничем не обязан. Вот солнце, вот я, – закурил папиросу и – дым под солнце. Идеальное состояние. Я – человек, руководствующийся исключительно сводом гражданских и уголовных законов: вот – мое отечество, моя мораль, мои традиции. Я дьявольски лоялен. Попробуй мне растолковать, что я живу дурно, не нравственно. Виноват, а свод законов? Зачем же вы его тогда писали? Что вы еще от меня хотите? Добра? А что это такое? Это можно кушать? Или вы требуете от меня любви к людям? А в четырнадцатом году, в августе месяце – о чем вы думали? Ага! Шалуны, милашки! За время войны я уничтожил людей и вещей ровно столько, сколько мне было положено для доказательства любви к людям и отечеству. Со стороны любви – я чист. Или вы хотите от меня чести? Старо, голубчики. Ни георгиевских крестов, ни почетных легионов не принимаю. За честь деньги надо платить, тогда честь – честь. А ленточки – это дешевка, – мы не дети.

Удивительно, живешь и все больше убеждаешься, – какая сволочь люди, – унылое дурачье. Я уж не говорю про – извините за выражение – Рассею. На какой-то узловой станции был обычай расстреливать жидов и большевиков в нужнике. Этот самый нужник – вся Рассея. Вымрет, разбежится, будет пустое место. Сто лет на ней, проклятой, никто не станет селиться. А помнила Петербург? Морозное утро, дымы над городом. Весь город – из серебра. Завывают, как вьюга, флейты, скрипит снег, – идут семеновцы во дворец. Пар клубится, иней на киверах, морды гладкие, красные. Смирн-а-а! Красота, силища. О, мужичье проклятое! Предатели! Шомполами, шомполами!.. Ну, да к черту...

Французишки тоже хороши: салатники, – покажешь ему франк, скалит гнилые зубы. А попроси помочь, попробуй, – оглянет тебя, как будто сроду такого сукина сына не видел, и

в лице у него изображается оскорбленная национальная гордость. А кто вас на Марне спас, бульонные ноги, лизоблюдники? Да, да, к черту...

А в участках у них городовые – ажаны – первым делом бьют тебя в ребра и в голову сапогами, это у них называется «пропускать через табак». Не умру, дождусь, заложу я когда-нибудь динамитную шашку под Триумфальную арку. Все их долги у меня в книжечке записаны...

Вот, полюбуйся: прошло больше часу, как я пишу это письмо, а она за стойкой хоть бы пошевелилась. Бабища, налита вся красным вином, выпивает четыре литра в день, плечи – могучие, корсетом до того перетянута, что внизу – пышность непомерная, а за грудь – отдай царство: мадам Давид. От этого корсета она так и зла. Идолище. Черноволосая, профиль как у Медеи. Каждые два су гвоздем приколачивает к вечности. Вот – перемыла стаканы, взяла свинцовую лейку, налила пинар [дешевое вино] во все бутылки и – опять – каменные руки сложила и глядит из-за прилавка на улицу. Это ее быстро называется «Золотая улитка». У самой двери, из-под железной крышки бьет вода, течет ручеек вдоль грязенького тротуарчика. Уличка узенькая, вонючая, вся – в салатных, капустных листьях. Но – местечко старое. Пахнет жареной картошкой, шляются оборванцы. Здесь не морщатся на твои дырявые башмаки. Эту уличку – сними-ка шляпу – мостил еще король-Солнце. По квадратным плиточкам мимо этого кабакишки возили в тележках возлюбленных тобою французов, – Дантона возили и Робеспьера возили – головушки им рубить. И такая же идолица, Медея, глядела из-за этого прилавка, не сморгнув глазом...

На чем бишь остановился? Да, – мадам Давид изволила, наконец, перевести провансальские очи в мою сторону: «Ни, ни, cher ami, ни капли больше вина, заплатите сначала должок». О прелестница, идол моей души, откуда же я возьму тебе франки? Любви – залежи у меня в растерзанном славянском сердце, а франков нет... Делаю сладенькие улыбочки, – дрогнешь, Медея, выставишь еще бутылмент...

...Это все, разумеется, поэтическое отступление. Сижу я, дружище, в своем роскошном кабинете. Курю. Кофе и ликер мне принесли снизу, из ресторана. Чудно пахнет духами, – давеча у меня целые сутки провела одна прелестная женщина, – как ее, черта, забыл имя, – из театра Водевиль. Это, братец, не ваша собачья Ресефесерия. Здесь культура утонченного наслаждения, в центре – женщина, как драгоценность в кружевном футляре. Здесь паршивая девчонка из универсального магазина и та ногти себе на ногах полирует. Так-то. Прочитайся со своей революцией у себя на Собачьей площадке...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.